
Короткие сообщения

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ЗНАКОВОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Н. ВЕРАКСА

Проблема знаково-символического отражения имеет давнюю историю и продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных психологов (Пиаже, 1969; Салмина, 1988; Фрейд, 1999; DeLoache, 2000). В данной статье показано отличие знакового отражения от отражения символического.

Структура символа

Нам представляется, что особенность употребления символа связана, прежде всего, с появлением ситуации неопределенности. Многие авторы (Лосев, 1976; Мамардашвили, Пятигорский, 1997; Фадеева, 2004 и др.) отмечают, что символ не имеет четкого соответствия символизируемой ситуации в логике значений. Исследователи, занимающиеся знаковым отражением, указывают на наличие у знака внешней стороны и значения. При этом внешняя сторона фактически выступает в

роли различительной функции и обладает свойством прозрачности в том смысле, что сознание субъекта, использующего знак, сразу обращается к значению знака. В отличие от знака символ обладает ярко выраженной внешностью, и при обращении сознания к символу эта внешность выходит на первый план. Содержание символа концентрируется в его образной, внешней оболочке, порождая особую ситуацию, в которую переносится познавательная деятельность субъекта. Как отмечает У. Эко, символ представляет собой «дымку возможных интерпретаций» (Есо, 1990, р. 19), которая исчезает, как только нам удастся приписать символу какое-либо значение и закрепить его за ним. В результате этой деятельности символ теряет свою неопределенность и, в конечном итоге, субъект оказывается способен решить исходную задачу.

Вот почему можно говорить о том, что в символе обозначаемое и обозначающее слиты в образной форме,

хотя сам символ (поскольку он выступает средством решения вызвавшей затруднение ситуации), репрезентирует нечто, отличное от самого себя. Смысл символа, хотя и не дается вне его формы, не предполагает соответствия в значениях между собственной оболочкой и символизируемой ситуацией. Между ними имеется расхождение, которое рождает неопределенность, многозначность символа. Как указывает Д. Ли, «символ — это не метка, через которую видна картина, как под стеклом... у символа есть лишь псевдопрозрачность» (Lee, 1982, p. 126).

Однако это не значит, что символ не имеет никакого отношения к символизируемой ситуации: если знак передает значение, то символ всегда больше суммы значений, поскольку способен принять на себя практически любые значения. Мы предполагаем, что, анализируя оболочку символа, субъект раскрывает его смысл, заключающийся в структуре отношений между элементами символа. Такая структура, будучи найдена, далее может быть перекодирована субъектом в структуру отношений между значениями исходной ситуации, что приводит к разрешению последней. Как пишет К.А. Свасьян, «...символа собственно нет ни в одной из его форм; бытие его — в метаморфеме, т. е. в переходе форм» (Свасьян, 2000, с. 116–117). Это означает, что обращение лишь к структуре символа без попытки переноса ключевых отношений, присутствующих в его образной оболочке, на символизируемую реальность нивелирует суть символа как средства познавательной деятельности. Символически понятое не есть обозначенное, скорее,

при этом присутствует указание на нечто другое, на структуру отношений между элементами символа, которая помогает увидеть скрытую структуру значений в конкретной ситуации. Заметим, например, что с точки зрения К.Г. Юнга (Юнг, 1998), который внес несомненный вклад в исследование символа, символ понимается как образ архетипа, т. е. как метаструктура, которая порождает различные конкретные выражения, поддающиеся четкой интерпретации в значениях. Хотим подчеркнуть, что речь идет не о переносе значений, которые черпаются из внешней оболочки символа, на ситуацию, а о переносе принципа построения отношений между элементами, который помогает выстроить отношения между значениями. В этом отношении можно согласиться с Г.В.Ф. Гегелем, И. Гете, И. Кантом, Ф.В.Й. Шеллингом и другими исследователями, которые утверждали, что символ содержит в скрытой форме идею (если под идеей понимать принцип или структуру построения отношений между элементами).

Функции символа

Говоря о функциях символа, в первую очередь отметим, что в целом ряде случаев символ помогает разрешить объективно сложную для субъекта ситуацию за счет тех возможностей интерпретации, которые в нем содержатся. Другими словами, символ выступает в роли пространства, позволяющего моделировать такие структурные отношения, применение которых на практике может оказаться успешным. Так, Я.Э. Голосовкер показывает, что кажущиеся,

на первый взгляд, не имеющими значения структурные отношения в мифе вполне реальны: «Категория причинности к тени Аида неприменима, ибо существование бесплотного образа самого по себе было бы причинно объяснимо только как галлюцинация... Тело тени, то есть ее видимый образ, столь же имажинативно, как и статистический образ позитрона... Занимая пространство, они занимают только нулевое пространство... Пусть тень Аида выдумана, нереальна — позитивный электрон реален... Воображение мифотворца, выдумывающая, познало нечто, научно удостоверенное тысячелетия спустя» (Голосовкер, 1987, с. 76).

Однако далеко не всегда применение символа позволяет разрешить ситуацию и перейти к значениям; довольно распространены случаи, когда символ помогает зафиксировать проблемную ситуацию, передать связанное с ней эмоциональное напряжение. Так, в работе И. Джозефс (Josephs, 1998) исследуется поведение людей, потерявших близких людей. Автор показывает, что могила становится символом ушедшего человека: родные особым образом ухаживают за ней, делятся своими переживаниями, сообщают последние новости (характерен в этом смысле пример 76-летнего старика, который пришел на могилу отца, чтобы рассказать ему о том, что купил новый автомобиль). Такое поведение, на наш взгляд, демонстрирует ориентировку в образной оболочке символа, позволяющей субъекту справиться со своими эмоциями и, таким образом, адаптироваться к изменившемуся миру.

Аналогичная тенденция наблюдается и в связи с заданными в социуме

предписаниями. Как пишет И.Е. Фадеева, «... любая культура регламентирует формы поведения, которые часто не объяснимы и не объясняются ее носителями, но являются безусловными, инстинктивными, или представляются таковыми» (Фадеева, 2004, с. 47). Другими словами, совершение установленных в культуре символических действий позволяет субъекту достаточно быстро справиться с напряжением, вызываемым различными ситуациями. Вот как, по мнению М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, аргументирует данное положение на примере проблемы веры в своих трудах Б. Паскаль: «Когда человек верит, есть определенный ритуал, связанный с его верой, есть выражение его веры, зафиксированное в повседневных актах и жестах: он... крестится... становится на колени и молится. Этим Б. Паскаль говорит: вы не верите? Попробуйте выполнять все то, что делается в предположении этой веры. Иначе говоря, попробуйте использовать символический аппарат, вещественную сторону символики... нужно делать то, смысла чего вы не знаете, и смысл придет к вам в силу этого вещественного делания» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 178–179).

В психологии заслуга разработки проблемы символизации принадлежит, в первую очередь, З. Фрейду (Фрейд, 1999). Примером символизации неопределенности в его теории может послужить механизм сублимации, который заключается в замещении одного объекта другим и сопровождается в связи с этим эмоциональным к нему отношением, а также действием в логике замещающего

объекта (т. е. действия в оболочке символа). В этом смысле мы не можем согласиться с К.Г. Юнгом, утверждавшим, что «то содержание сознания, которое дает нам ключ к бессознательному, З. Фрейд ошибочно назвал «символами». На самом деле это не символы, поскольку, в соответствии с его же теорией, они являются знаками или симптомами подсознательных процессов». З. Фрейд, безусловно, работает с символами, однако результатом этой работы становится перевод символа в значение. К.Г. Юнг же рассуждает иначе: «Истинные символы принципиально отличны от этого, они должны пониматься как выражение интуитивной идеи, которая не может быть сформулирована иным образом» (Юнг, 1998, с. 362–363). Такое понимание символа сопряжено с ситуациями, когда переход к адекватному значению затруднен, но сам символ фиксирует связанное с неопределенностью эмоциональное напряжение.

Знаково-символические формы опосредствования

В исследованиях ряда авторов выделяются такие образные формы отражения, которые имеют сходный с символом характер, но при этом символами не являются. Поэтому одна из задач заключается в том, чтобы разграничить эти формы отражения с символом. Здесь мы имеем в виду, в первую очередь, аллегорию, эмблему и метафору.

В аллегории, на наш взгляд, некоторая идея выражается за счет того, что значение в ней намеренно сопоставляется со значением в другой ситуации. Как отмечает А.Ф. Лосев,

в баснях герои являются аллегорическими изображениями отношений людей. При этом сама аллегория используется как пример идеи, что приводит к отказу от ее буквального понимания, в то время как в символе, по выражению А.Ф. Лосева, единичное «не погибает, не понимается как-то переносно, никогда не исчезает из поля зрения...» (Лосев, 1976, с. 138), а представляет собой всеобщее, т. е. принцип. Можно сказать, что если в аллегории идея отражается, то в символе она в буквальном смысле преобразуется, переносится в образную оболочку символа.

Подобно аллегории, эмблема — лишь знак с четко установленным значением, условное пояснение понятия с помощью изображения. Поэтому, например, крылья — не символ, а атрибут воздухоплавания, поскольку они являются отличительным признаком летательных аппаратов. Однако с тем, что «голубка является лишь его (мира) эмблемой» с Б. Дешарне и Л. Нефонтеном (Дешарне, Нефонтен, 2007, с. 21) согласиться трудно, потому что мир — слишком неопределенная категория, которая включает в себя вселенную во всех ее проявлениях, а голубь — некоторый образ, в характеристиках которого мы можем искать структуру значений, которая поможет представить принцип мира. Геральдика и эмблематика имеют отношение к знакам, поскольку любому образу, даже сочетанию образов в их рамках приписывается значение. Если субъект будет использовать эти образы, не зная их значений, то мы столкнемся с процессом превращения эмблемы в символ, и в этом случае голубь из эмблемы может стать символом мира. В статье

М. Мохуддина приводится пример такой ситуации в архитектуре. Автор задается вопросом о том, почему люди продолжают возводить строения, которые уже не несут прежнего функционального значения. Например, если раньше минареты были высокими для того, чтобы голос муэдзина разносился как можно дальше, то сейчас все мечети оборудованы репродукторами, что, с точки зрения здравого смысла, снимает необходимость возведения высоких минаретов. М. Мохуддин отмечает, что, несмотря на отсутствие рационального объяснения, в данной архитектурной конструкции есть что-то, вызывающее у людей эмоциональный отклик, т. е. можно предположить, что минарет «несет символическую функцию» (Mohiuddin, 2006, с. 29). Нам кажется, что автор очень точно продемонстрировал, что различные ритуальные формы поведения (связанные в том числе и с архитектурой), теряя четкую систему значений, становятся все более символическими. Другими словами, поскольку символизируемая ритуалом ситуация выходит за рамки привычных значений, это вызывает особое отношение, связанное с отсутствием знаковой ориентировки.

Что касается метафоры, то она, как нам кажется, ближе всего к символу. В ней фактически выражается принцип построения символа лишь с той разницей, что содержание метафоры, в отличие от символа, имеет отношение к вполне определенной реальности, т. е. к тому значению, которое находится за метафорой. Так, описывая поэтический язык, который, несомненно, является ярким примером применения метафор,

П. Рикер отмечает, что он «создает своего рода «слияние» смысла с ощущениями, чувственным восприятием, что отличает его от языка непоэтического, где смысл — в силу произвольности и конвенциональности знака — максимально «очищен» от сенсорного компонента... язык, вместо того чтобы быть лишь чем-то на пути к действительности, сам оказывается материалом, как мрамор для скульптора» (Рикер, 1990, с. 446). В таком понимании метафора предстает как единое пространство знака и образа.

Важно заметить, что, как и символ, метафора может превращаться в знак в том случае, когда она многократно повторяется и в результате происходит слияние знака и образа, при котором значение начинает доминировать. Так, Ф. Уилрайт отмечает, что «в нашем современном повседневном языке к явлениям ментальной сферы относятся многие слова и выражения, возникшие из ранних «световых» метафор: прояснить, осветить, иллюстрировать, ясный, яркий и т. д. В целом все эти слова перестали функционировать как активные метафоры и утратили какое-либо напряжение, превратившись в расхожую монету». (Уилрайт, 1990, с. 101).

Становление способности к символическому опосредствованию

Один из важных аспектов применения символа в качестве мыслительного средства связан с его местом в развитии познавательных способностей. Согласно Ж. Пиаже (Пиаже, 1969), обозначающее в символе отделено от обозначаемого, но

имеет с ним сходство. При этом фигуративный (связанный с внешней формой) компонент мышления становится символическим в том случае, когда образ используется для ассимиляции какого-либо содержания. Ж. Пиаже разделил символы на псевдорепрезентативные, которые являются производными от действий; и истинные (лингвистические), которые не имеют физического отношения к обозначаемому. Можно сказать, что, с точки зрения Ж. Пиаже, символ сам по себе не самодостаточен, т. е. не является средством решения задачи. В качестве примера символизации можно рассмотреть ситуацию, когда ребенок видит, как бредет отец, а затем в его отсутствие начинает водить рукой по лицу для того, чтобы понять, что делает отец, через значения движений руки. В этом случае образ репрезентации становится символом. Здесь следует подчеркнуть, что сам факт наличия фигуративного компонента не означает присутствия символической функции (например, восприятие фигуративно, но не несет символической функции), поскольку и знак также имеет внешнюю представленность. Символ появляется только тогда, когда конфигурация начинает выполнять функцию ассимиляции. Основное отличие знака от символа заключается, по Ж. Пиаже, в том, что знаки произвольны и условны (не обладают выраженной связью обозначаемого и обозначающего), а символы произвольны (поскольку в них эта связь представлена). При этом знаки носят коллективный характер (что отчасти объясняет их условность), а символы — индивидуальный, так как изо-

бруются самим ребенком с целью ассимиляции нового содержания.

В контексте исследований, проведенных последователями Ж. Пиаже, определенный интерес представляют работы Дж. ДеЛоуш (DeLoache, 2000). Под символическим отражением она понимает представление одного объекта в значении другого. Характерным является эксперимент, в котором детям необходимо найти в комнате игрушку, спрятанную в том же месте, что и игрушка меньшего размера в модели (макете) комнаты. Оказалось, что дети справляются с этим заданием только начиная с 3 лет. Однако, когда детям 2.5 лет сообщили о том, что маленькая комната (модель) была просто увеличена до размеров реальной комнаты, то большинство детей справились с заданием. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что данный эксперимент показывает необходимость применения двойной репрезентации при выполнении исходного задания. Однако считать это заданием, требующим символизации, мы не можем. Скорее, в данном случае речь идет о соответствии значений, а не об ориентировке в оболочке символа.

По мнению Ж. Пиаже, процесс символизации связан с интеллектуальным развитием ребенка и является подчиненным внутренней логике, преобладающей над социальными факторами. Эта логика, как пишет Ж. Пиаже, приводит к тому, что символическое отражение мира, носящее индивидуальный характер, уступает место отражению знаковому, коллективному. Как отмечает Х.Дж. Фёрс (Furth, 1967), в работах Ж. Пиаже четко представлена непрерывность развития мышления, чего

нельзя сказать о становлении символа. В то же время существует и противоположная точка зрения, согласно которой в онтогенезе символическое отражение мира предшествует отражению знаковому. Приверженцами такого понимания развития ребенка являются, прежде всего, представители психоаналитической теории (З. Фрейд, Э. Эриксон и др.).

На примере детской игры А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 2000) раскрывает механизм символического опосредствования. Важная черта игрового действия заключается в том, что в нем одни операции могут быть заменены другими, хотя содержание самого действия при этом будет сохранено. Именно в этом случае игра становится символической: когда ребенок скачет на палочке, его операция соответствует палке. Здесь наблюдается характерный феномен: не зная реального способа катания на лошади, ребенок действует в логике палки, но относит свое действие к ситуации с лошастью, т. е. действует в пространстве символа, поскольку сама реальность остается для него зага-

дочной. Н.Г. Салмина утверждает, что в данном случае мы имеем дело с замещением в узком смысле слова, когда «функция замещаемого предмета переносится на знаково-символическое средство (заместитель)» (Салмина, 1988, с. 81). Мы полагаем, что дело обстоит как раз наоборот: не функция замещаемого переносится на заместитель, а функция заместителя переносится на замещаемое, в результате чего замещаемое становится более понятным. Суть интерпретации символа заключается в «примеивании» его внешней оболочки на различные стороны реальности, что в конечном итоге может привести к продуктивному результату.

В заключение отметим, что устойчивый интерес к проблеме символического опосредствования реальности в познавательной деятельности человека позволяет говорить о том, что символизация как форма отражения обладает еще не изученными как в теоретическом, так и в экспериментальном плане возможностями для организации различных человеческих практик.

Литература

Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987.

Дешарне Б., Нефонтен Л. Символ. М.: АСТ: Астрель, 2007.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и

языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.

Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Благовещенск: БГУ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Фадеева И.Е. Теория и культурно-историческая феноменология символа: Дис. ... докт. культурол. наук. СПб., 2004.

Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб., 1999.

Юнг К.Г. Избранное. Минск: Попури, 1998.

DeLoache J.S. Dual representation and young children's use of scale models // Child development. 2000. № 2. 329–338.

Eco U. The Limits of Interpretation. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Furth H.G. Concerning Piaget's view on thinking and symbol formation // Child Development. 1967. № 3. 819–826.

Josephs I.E. Constructing one's self in the city of the silent: dialogue, symbols, and the role of «as-if» in self-development // Human development. 1998. № 41. 180–195.

Lee D.S. Transparency of symbol // Philosophy and Rhetoric 1982. № 2. 126–133.

Mohiuddin M. Islam in America // Islamic horizons. 2006. January/February. 26–29.

Веракса Александр Николаевич, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант

Контакты: veraksa@yandex.ru